

ПРАВДА
г. Москва

20 ОКТ 1985

Без верхнего предела

М А С Т Е Р А К У Л Ь Т У Р Ы

Литовцы — народ песенный. В архивах республики сейчас собрано свыше 400 тысяч текстов народных песен и 65 тысяч мелодий. И певцов в Литве не меньше. Только на вильнюсской эстраде каждые пять лет в огромный общий хор собирается до 25 тысяч любителей песни. Музыковеды подметили и такой интересный факт — в Литве еще не было своей оперы, а два тенора, которых дал этот край, уже добились международного признания. До первой мировой войны в Большом театре пел Юзас Бабравичюс, а в Мариинском — Кипрас Петраускас.

Огромный талант, творческая дружба с мастерами русской оперной сцены Л. Собинным, А. Неждановой, Э. Направником и особенно с Ф. Шаляпиным позволили К. Петраускасу подняться до высочайших вершин мастерства, стать основателем и пестователем литовской национальной оперы. Этому любимцу литовского народа суждено было сыграть и другую благородную роль: уходя со сцены, он оставил себе достойную смену в лице Виргилиуса Норейки. К. Петраускас был его педагогом в консерватории, его дружеские советы помогли еще робкому юноше с мягким лирическим голосом сделать первые шаги на сцене.

С той поры пробежало почти три десятилетия. Сегодня народный артист СССР В. Норейка — гордость нашей многонациональной советской культуры. Тут хочется отметить опять три интересных факта. Виргилиус — его так, по имени, называет вся Литва — пел на большой сцене Ла Скала (кстати, первым из советских теноров), где тридцать лет назад до того публика горячо приняла и К. Петраускаса. На пять лет раньше учителя В. Норейка поднялся на самую высокую вершину оперного искусства — спел партию Отелло. Наконец, третье интересное совпадение: Виргилиусу, как и его учителю, не было суждено остаться только виртуозом сцены — сегодня он вместе с тем и художественный руководитель, директор Государственного академического театра оперы и балета Литовской ССР.

Виргилиус Норейка — интересный и искренний собеседник. Достаточно нескольких минут общения с ним, чтобы почувствовать, что дает человеку богатая творческими успехами, гастрольными маршрутами и дружбой с выдающимися мастерами оперы биография. А сделано немало — спето почти 800 спектаклей, дано около 400 сольных концертов. Ему аплодировали поклонники оперы в Большом и Кировском театрах, в Ла Скала, Гран-опера, в театре «Колон» в Буэнос-Айресе, в пражском, варшавском, берлинском и во многих других.

Начав с лирических партий Альмавивы, Ленского, Альфреда, Ромео, Фауста, Владимира Игоревича, с ростом опыта и голоса он перешел к лирико-драматическим. Яркий творческий успех сопутствовал

ему в исполнении партий Рудольфа, Хозе, Каварадосси. Неожиданными гранями раскрылся талант художника при создании характерных образов, таких, как Принц («Любовь к трем апельсинам» С. Прокофьева), Володя Гаврилов («Не только любовь» Р. Щедрина), даже Баринка («Цыганский барон» И. Штрауса)...

Виргилиус все это время думал об Отелло. Как говорится, сердце жаждало, разум удерживал. Много виртуозов с мировым именем не решились браться за эту роль — вершину вокального и сценического мастерства. Нет этой оперы в репертуаре и многих известных театров. В Вильнюсе премьера шедевра Дж. Верди состоялась, она стала ярким фактом

в музыкальной жизни всей страны. Созданный В. Норейкой образ Отелло — волнующий, самобытный. На сцене — не мавр с необузданными, дикими страстями, а трагическая личность с ренессансным образом мышления.

— Отелло, — говорю певцу, — это, наверное, то же самое, что для альпиниста Гималаи. Поднялся, видишь вокруг широко, широко... А затем и спускаться нужно...

— Почему? — живо возражает собеседник. — На те же самые Гималаи предстоит подниматься еще не раз, даже в октябре. А ведь есть еще «Паяцы» Леонкавалло, «Сельская честь» Масканьи со своими героями...

Порой мне говорят: Виргилиус, не надоедает ли тебе все убивать Кармен или поднимать чашу веселья? Отвечаю: не надоедает! Ведь каждый спектакль — это новый творческий акт. Новый партнер, новый дирижер, новый художник, новая сцена. Возвращаешься домой или в гостиницу усталый, а завтрашнего дня ждешь с тем же нетерпением, как и во времена дебютов.

С большой любовью артист говорит о плодотворном сотрудничестве с коллективом Большого театра, с такими мастерами оперы и балета, композиторами, художниками, как Е. Образцова, Т. Сиявская, И. Богачева, Е. Нестеренко, А. Кривченя, Б. Покровский, М. Плисецкая, Р. Щедрин и другие, с зарубежными художниками В. Дзени, Б. Нильсон, Р. Сакомани...

В опере, считает В. Норей-

ка, много условности, театральности. В окружении большой толпы хористов, в сопровождении оркестра не пытайся играть очень тонко («как в кино») — никто этого не заметит. Внешняя игра здесь куда более яркая, чем у драматического актера, — заранее определены его позы, интонация голоса, слова. А тут еще физиология вокала — не позволяй себе излишнего волнения, слезы сбойт дыхание, так недолго и зетуха пустить... Поэтому все должен увенчать, объединить воедино голос — суть оперного искусства, его душа. Краски голоса, манера пения. И тут лирико-драматический генер Виргилиуса, прекрасное владение техникой вокала, отличное чувство стиля произведения, хорошая игра, разумеется, помноженная на стопроцентное трудолюбие, приносят все новый и новый успех, любовь поклонников.

— Верите ли вы в будущее оперы? Не прошли ли ее времена? Правда, и сейчас оперы создаются, однако симпатии зрителей, слушателей по-прежнему на стороне классических произведений. Кто здесь виноват — публика, композиторы или сама опера как вид искусства?..

Виргилиус думает, что в этом есть «вина» всех. Искусству оперы трудно отразить все стороны нашего сложного века — века атома, космонавтики, генетики и кибернетики, века, который, кажется, со всего срывает полог романтики, таинственности, на глазах «разбирает» сложнейшие организмы словно часики. Естественно, что не все среди публики понимают новый музыкальный язык оперы. Да и старые мастера лучше познали возможности вокала, больше уважали и берегли голос солиста. Будет ли все это преодолено — покажет время. Он лично верит в будущее оперы, даже если бы публика восхищалась только искусством старых мастеров. В этом убеждает и небольшая Литва. Тут на оперные и балетные спектакли съезжаются со всей республики. Заказывают специальные поезда, автобусы.

Особенно трудно попасть на такие поезда и в автобусы, когда поет Виргилиус.

Артист очень любит и сольные концерты. Помимо отрывков из классических опер, прежде всего Верди, Пуччини, поет Шумана, Глинку, Чайковского, Рахманинова, Прокофьева, песни литовских композиторов.

Он замечательный интерпретатор литовской народной песни. Первой его учительницей тут была мама — дочь равнинного края с поставленным от природы голосом, с пониманием созданной народом на протяжении столетий манеры пения. Трудные, сенокосные, свадебные, лирические песни — сколько тут красок, настроений! С народной песни и начался путь Виргилиуса в оперу.

Особая большая любовь — русские романсы. За то, что их тексты — большая поэзия, что удивительны мелодии, что

они объединяют сцену и зал с первых аккордов в единый духовный трепет и полет, у одних пробуждают грезы, у других вызывают лавину дорогих воспоминаний.

Он радуется, что проник и в душу русской песни. Где-то в Сибири к певцу подошла женщина и поблагодарила такими словами: «Вы поете русские песни, как настоящий русский».

Еще один обязательный компонент сольных концертов — неаполитанские песни. Это и дань Италии, в лучшем театре которой он дважды стажировался, это и восхищение прекрасными мелодиями. «Они прямо-таки дают отдохновение голосу. Вот именно так и следовало бы писать для голоса», — говорит маэстро.

Виргилиус Норейка — необыкновенно занятой человек. Кроме своей творческой и административной работы в театре, он по примеру своего учителя К. Петраускаса преподает в консерватории и с горячей настойчивостью ищет таланты, которые со временем могли бы прийти ему на смену, могли бы принять от литовского тенора — рыцаря высокого «до» — эстафету. Он возглавляет Театральное общество республики. Был делегатом XXV съезда КПСС, сейчас — член парламента республики.

Искусство не может жить без политики, без живительных влияний нынешнего дня. Актер, солист, через которого театр говорит со зрителем, — это прежде всего гражданин. Сегодня люди нашей страны поднялись на новую ступень требовательности к себе и другим, на ступень качественного труда, творческой мысли, оперативной реализации задуманного. Все это относится и к искусству. Профессионализм имеет только нижний предел, за которым начинаются дилетантство, серость. Верхнего предела у профессионализма нет. Поэтому каждый представитель искусства должен продолжать нескончаемый подъем во имя гармоничного воспитания нашего советского человека.

Не так давно в Вильнюсе состоялась премьера. Свет ramпы увидела опера композитора А. Бражинскаса «Кристианас» по мотивам жизни основоположника литовской поэзии К. Донелайтиса. В. Норейка на этот раз в спектакле не участвует, хотя и дал путевку в жизнь многим героям национальной оперы. Зато он переживает за всех — дирижера, режиссера, солистов... Приходят телеграммы, приглашающие тенора на сцены многих театров и концертных залов страны. Предстоит гастрольная поездка на Филиппины, в США... Вильнюсцы привыкли видеть своего любимого артиста — высокого, крепкого, голубоглазого — энергично спешащим из дома в театр, из театра — по другим делам.

Праздник вокала продолжается.

Д. ШНЮКАС.
(Корр. «Правды»).

г. Вильнюс.